

Научная статья
УДК 343.155
DOI 10.33184/pravgos-2023.1.5

Original article

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович
Институт государства и права Российской
академии наук, Москва, Россия;
e-mail: s.rossinskiy@gmail.com;
https://orcid.org/0000-0002-3862-3188

ROSSINSKY Sergey Borisovich
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

О ПРЕДМЕРЕ И ПРЕДЕЛАХ ОБЖАЛОВАНИЯ В СУДЕ ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) И РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОКУРАТУРЫ

ON THE SUBJECT AND LIMITS OF APPEALS TO A COURT AGAINST ACTIONS
(IN ACTIONS) AND DECISIONS OF THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION
AND PROSECUTION

Аннотация. В настоящее время на общем фоне стремления законодателя к расширению судебно-контрольных полномочий в уголовном судопроизводстве особую сложность и особый интерес вызывают проблемы теории, нормативно-правового регулирования и практики обжалования в суде различных действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокурора. Цель: исследование проблем, связанных с надлежащим пониманием и определением круга обстоятельств, подлежащих судебному обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ. Методы: общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, прогностический и др.). Результаты: выявлены причины, приводящие к неопределенности понимания предмета и пределов предусмотренной ст. 125 УПК РФ процедуры судебного обжалования, обуславливающие многочисленные трудности в правоприменительной практике. Предложены возможные пути разрешения возникающих проблем.

Ключевые слова: обжалование, право на обжалование в суде, предмет обжалования, пределы обжалования, судебный контроль, судебный порядок рассмотрения жалобы

Для цитирования: Россинский С.Б. О предмете и пределах обжалования в суде действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры / С.Б. Россинский. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 29–35.

Abstract. Currently, against the general background of the legislator's desire to expand judicial control in criminal proceedings, the problems of the theory, legal regulation and practice of appealing in court against various actions (inactions) and decisions of the bodies of inquiry, preliminary investigation and the prosecutor are particularly complex and of particular interest. Purpose: to study problems related to the proper understanding and determination of the scope of circumstances subject to judicial appeal in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Methods: general scientific (dialectical, systemic, structural-functional, logical, etc.) and specific scientific (formal legal, comparative legal, prognostic, etc.). Results: the reasons are identified that lead to the uncertainty of understanding the subject and limits of the judicial appeal procedure under Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, causing numerous difficulties in law enforcement practice. The article offers possible ways of solving the problems.

Keywords: appeal, right to appeal in court, subject of appeal, limits of appeal, judicial control, judicial procedure for considering a complaint

For citation: Rossinsky S.B. On the subject and limits of appeals to a court against actions (inactions) and decisions of the bodies of preliminary investigation and prosecution. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 29–35. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.1.5.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы, ввиду вызванного понятными причинами общего стремления к расширению роли судебной власти, в механизмах уголовной юстиции весьма актуальными являются вопросы, касающиеся различных форм судебного контроля за деятельностью органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры. Особую сложность на этом фоне вызывают проблемы, возникающие в ходе реализации положений ст. 125 УПК РФ, предоставляющей заинтересованным лицам право обжалования в районном (приравненном) суде процессуальных действий (бездействия) и решений, характерных для стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования. Причем одна (возможно, самая серьезная) из этих проблем заключается в нечеткости и расплывчатости правового регулирования содержания и допустимых пределов (границ) реализации права на подобное обжалование, то есть круга обстоятельств, подлежащих рассмотрению в связи с проведением данной судебной-контрольной процедуры.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ предмет и пределы обжалования процессуальных действий (бездействия) и решений внесудебных субъектов уголовной юрисдикции ограничиваются обстоятельствами, причиняющими ущерб конституционным правам и свободам участников досудебного производства либо затрудняющими их доступ к правосудию. Об этом вполне ожидаемо говорилось в целом ряде научных публикаций, посвященных указанной проблематике [1, с. 296; 2, с. 283; 3, 198–199 и др.].

Вместе с тем более чем 20-летний опыт использования данного судебной-контрольного механизма позволил выявить неопределенность существующей законодательной конструкции, ее предрасположенность к весьма вариативному толкованию, исключаящему единообразие соответствующей судебной практики и, как следствие, ненадлежащее воплощение заложенных в ст. 125 УПК РФ правовых идей. Категории «конституционные права и свободы» и «затруднение доступа к правосудию» оказались слишком неконкретными, расплывчатыми, неприемлемыми для четкого понимания предмета судебного обжалования и его отграничения от иных действий (возможного бездействия) и решений, находящихся в ведении органов дознания, предвари-

тельного следствия и прокуратуры [4, с. 160; 5, с. 90; 6, с. 39].

Возникшая правовая неопределенность вполне закономерно попала в сферу внимания Пленума Верховного Суда РФ – начиная с 2009 г. был сделан ряд шагов, направленных на последовательное сглаживание возникших по вине законодателя нормативных шероховатостей. Так, в претерпевшем уже несколько редакций Постановлении Пленума Верховного Суда, специально посвященном практике применения ст. 125 УПК РФ¹, была предпринята попытка определения примерного круга действий, форм бездействия и решений дознавателей (начальников органов и подразделений дознания), следователей (руководителей следственных органов) и прокуроров, способных нанести урон конституционным правам и свободам субъектов досудебного производства по уголовному делу либо оказать негативное влияние на возможность их доступа к правосудию.

К решениям и действиям (бездействию), влекущим опасность причинения ущерба конституционным правам и свободам, Пленум рекомендует относить постановления о возбуждении уголовного дела, применении к обвиняемому (подозреваемому) не требующей судебного санкционирования меры принуждения, о розыске обвиняемого (подозреваемого), отводе защитника, отказе в удовлетворении или игнорировании ходатайств о назначении защитника или допуске законного представителя, отмене (изменении) залога с возвращением предмета залога законному владельцу и т. д. В свою очередь, к решениям и действиям (бездействию), затрудняющим доступ к правосудию, рекомендовано относить формы поведения, обуславливающие ограничение возможностей участия в досудебном производстве, то есть создающие правовые барьеры для последующей судебной защиты нарушенных прав. Например, отказ признавать человека (организацию) потерпевшим, отказ принимать сообщение о преступлении или уклонение от его надлежащей проверки, непредоставление заявителю «отказного» материала доследственной проверки либо материалов прекращенного уголовного дела, ре-

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2022).

шение о приостановлении предварительного расследования; отказ прокурора в возбуждении производства ввиду новых либо вновь открывшихся обстоятельств и др.

Вместе с тем, невзирая на неоднократно обновляемые разъяснения Пленума, судебная практика все еще не предполагает единообразного подхода ни к содержанию предмета, ни к пределам обжалования в суде процессуальных действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры – какие-либо внятные и предрасположенные к надлежащему использованию критерии, позволяющие разграничить сферу применения ст. 125 УПК РФ с другими уголовно-процессуальными правоотношениями, по-прежнему отсутствуют. Сохраняющаяся в данном сегменте законодательного регулирования неопределенность продолжает оказывать достаточно деструктивное влияние на правовую защищенность подозреваемого, обвиняемого, заявителя, потерпевшего, иных участников досудебного производства и входит в диссонанс с одной из важнейших конституционных ценностей современной России – возможностью судебной защиты прав и свобод личности. На этот практический изъян постоянно обращается внимание в современных публикациях [7, с. 59]. Иными словами, механизм обжалования в суде действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры все еще не способен обеспечить те социально-правовые потребности, ради достижения которых он некогда был введен в сферу уголовно-процессуального регулирования.

ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРЕДМЕТА И ПРЕДЕЛОВ ОБЖАЛОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ

В чем же заключаются истинные причины, приводящие к столь серьезной неопределенности в понимании предмета и пределов предусмотренной ст. 125 УПК РФ процедуры судебного обжалования и обуславливающие многочисленные трудности в правоприменительной практике? Почему с ними не может совладать даже Пленум Верховного Суда РФ? Ответить на данные вопросы не так уж и сложно. Думается, что выявленные законодательные и практические изъяны обязаны своим существованием двум основным факторам.

Первый из этих факторов состоит в нео-

правданно сильной формализации досудебного производства, детерминирующей потребность проведения органами дознания, предварительного следствия и даже прокуратуры очень большого количества процессуальных действий и принятия множества процессуальных решений, предполагающих разную направленность и различную степень сложности: от важнейших правоприменительных, фактически квазисудебных актов, вызывающих юридически значимые последствия (например, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта и т. д.) до сугубо «технических» действий и решений обеспечительного характера (например, связанных с приводом, эксгумацией, розыском обвиняемого и т. д.). А некоторые предусмотренные УПК РФ решения вообще не имеют особого смысла и могут расцениваться лишь как образчики процессуальной бюрократии (например, решение следователя о принятии уголовного дела к своему производству и т. д.).

Поэтому неудивительно, что такое разнообразие процессуальных действий и решений органов предварительного расследования и прокуратуры приводит к невозможности их более или менее приемлемой дифференциации в зависимости от степени ограничения прав и свобод личности и влияния на доступ к правосудию. Кстати, автору настоящей статьи вообще практически не известны какие-либо масштабные публикации (монографии либо диссертации), связанные с намерениями провести систематизацию и сформировать полный перечень уголовно-процессуальных действий и решений органов предварительного расследования и (или) прокуратуры. Единственная серьезная научная работа, в которой была предпринята успешная попытка подобной систематизации, правда, только в части постановлений и других решений следователя и руководителя следственного органа – это кандидатская диссертация ученицы автора настоящей статьи А.В. Миликовой «Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия» [8, с. 128–146].

К тому же предмет судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ вовсе не ограничивается лишь действиями и решениями, прямо предусмотренными уголовно-процессуальным законом. Ведь каждому специалисту, погруженному в тонкости досудебного производства и хитросплетения дознавательской, следственной и прокурорской практи-

ки, должно быть известно, что реалии возбуждения и предварительного расследования уголовных дел нередко предопределяют потребность в проведении действий и принятии решений, четко не отраженных в той или иной статье Кодекса, но вытекающих из его смысла, например в составлении акта приема-передачи – в случае представления потерпевшим каких-либо ценных объектов, в вынесении постановления о закреплении за подозреваемым либо обвиняемым «рабочего» имени – при неизвестности подлинных данных о его личности, в вынесении постановления о возвращении ранее изъятых в ходе обыска вещей – в случае неподтверждения их связи с предметом доказывания и т. д. Более того, в соответствии с разъяснениями, содержащимися все в том же Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в предмет судебного обжалования включаются не только различные формы процессуальной деятельности субъектов уголовной юрисдикции, но и оперативно-разыскные мероприятия. Все эти обстоятельства еще сильнее осложняют возможность выработки четкого перечня конкретных действий, форм бездействия и решений, подлежащих обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ, превращая указанную задачу в практически невыполнимую.

Второй фактор, обуславливающий законодательные и практические изъяны в понимании предмета и установлении пределов использования рассматриваемого судебного контрольного механизма, представляется гораздо более сложным, поскольку детерминируется не столько формой, сколько содержанием дознавательской, следственной и прокурорской деятельности, а именно обоснованностью тех или иных активных либо пассивных фрагментов поведения соответствующих должностных лиц. Ведь положения ч. 3 и 5 ст. 125 УПК РФ позволяют заинтересованным участникам обжаловать не только законность, но и обоснованность процессуальных действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры, то есть вынуждают суд при необходимости давать оценку результатам мыслительно-логических операций, повлиявших на выбор той или иной линии поведения в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела. А такие результаты, как известно, имеют субъективный характер и обуславливаются не столько формальными требованиями закона или интерпретационными

разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, сколько внутренним убеждением правоприменителя, формируемым на основе присущих любому разумному человеку способностей к рациональному мышлению и ряда полезных качеств личности (правосознания, правопонимания, совести, профессионального и жизненного опыта, чувства ответственности и др.).

Намерение всякого наделенного государственно-властными полномочиями участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения (дознателя, следователя, прокурора и др.) провести либо не проводить то или иное процессуальное действие, принять либо не принять то или иное процессуальное решение всегда характеризуется своей индивидуальностью и обуславливается неповторимостью сложившейся по определенному уголовному делу ситуации, а также внутренними качествами личности конкретного правоприменителя. В связи с чем районному (приравненному) суду в ходе проверки обоснованности любого такого намерения в порядке ст. 125 УПК РФ приходится как бы «идти по следам» подконтрольного субъекта, то есть повторно анализировать соответствующие обстоятельства и заново оценивать логичность, последовательность и состоятельность используемых им доводов – по сути, выполнять работу, во многом схожую с деятельностью суда апелляционной инстанции, проверяющего содержание не вступившего в законную силу приговора/иного судебного решения.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ ПРЕДМЕТА И ПРЕДЕЛОВ ОБЖАЛОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ

Конечно, сказанное – это прописная истина для любого специалиста в области уголовной юстиции, очевидная каждому правоприменителю, тем более судье. Поэтому требование законодателя, предполагающее судебную проверку и оценку обоснованности действий (бездействия) или решений органа дознания, предварительного следствия или прокуратуры само по себе едва ли предрасположено к неверному истолкованию и способно привести к замешательству в части надлежащего определения обстоятельств, подлежащих исследованию и оценке в ходе производства по конкретной жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ. Вместе с тем его практическая реализация сопряжена с большим риском сознательно-

го или бессознательного выхода за пределы обжалования, то есть за рамки вытекающих из смысла закона судебно-контрольных полномочий. Другими словами, в реальной правоприменительной практике крайне сложно остаться в зоне предмета судебного обжалования конкретного действия (бездействия) или решения органа дознания, предварительного следствия или прокуратуры – удержаться от рассмотрения установленных ст. 73 УПК РФ и входящих в базовый предмет доказывания по соответствующему делу обстоятельств.

По всей видимости, автору настоящей статьи вряд ли стоит в очередной раз напоминать читателям, что обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ – автономный механизм реализации судебной власти, имеющий собственное предназначение и выполняющий особую роль. В отличие от рассмотрения уголовного дела по существу он не направлен на обеспечение возможности разрешения уголовно-правового спора между обвинением и защитой, а всего лишь является одним из диспозитивных способов доступа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, других заинтересованных участников к правосудию и защиты их прав от неправомерного использования властных полномочий внесудебных государственных органов и должностных лиц. Именно поэтому в п. 3.1 все того же Постановления Пленума Верховного Суда РФ специально говорится о неприемлемости отнесения к предмету судебного-контрольного обжалования действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, подлежащих проверке исключительно судом первой инстанции. К таковым Пленум, в частности, относит отказы либо уклонения от собирания (проверки) тех или иных доказательств, от инициирования процедуры судебного-штрафного производства в порядке гл. 51.1 УПК РФ, следственные и дознавательские акты, предполагающие выдвижение в отношении лиц уголовно-правовых претензий, решения о назначении судебных экспертиз и т. п. Кроме того, из содержания п. 15–16 указанного Постановления фактически вытекает адресованный судьям запрет оценивать материалы, предопределяющие решение о возбуждении/об отказе в возбуждении уголовного дела на предмет установления/неустановления подлежащих доказыванию обстоятельств либо допустимости/недопустимости отдельных доказательств.

На первый взгляд, анализ современной

правоприменительной практики позволяет полагать, что судьи в своей массе правильно понимают замысел законодателя о предмете и пределах обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, стараются следовать соответствующим указаниям Пленума Верховного Суда РФ, а допускаемые ошибки и неточности достаточно легко устраняются при последующем рассмотрении этих же вопросов в вышестоящих инстанциях. В качестве примера в данном случае уместно привести апелляционное решение Московского областного суда, «засилившего» постановление одного из городских судов об отказе в рассмотрении жалобы на решение о передаче материалов дела по подследственности. Свое решение суд обосновал солидарностью с судом первой инстанции об отсутствии обстоятельств, входящих в предмет обжалования, – справедливо обратил внимание на несогласие заявителя с теми фрагментами следственной деятельности, которые были связаны с собиранием и проверкой доказательств, то есть подлежали оценке в ходе рассмотрения уголовного дела по существу. Кроме того, было указано на промежуточность решения о передаче дела о подследственности и о неспособности этого решения оказать негативное влияние на доступ к правосудию.

Другой удачный пример – это решение одного из районных судов Ставропольского края, вынесенное по итогам рассмотрения жалобы на решение об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела, а затем отмененное в апелляционной инстанции. Изначально судья выразил согласие с заявителем, счел позицию следователя не соответствующей установленным по делу обстоятельствам, в связи с чем признал вынесенное постановление необоснованным, обязав следственный орган устранить выявленные нарушения. Однако позднее Ставропольский краевой суд отменил указанный судебный акт, расценив его содержание как частичное вторжение в сферу процессуальной самостоятельности следователя, а именно в его право самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Вместе с тем более тщательный анализ решений (в первую очередь решений об отказах в удовлетворении поданных жалоб), вынесенных в порядке ст. 125 УПК РФ, приводит к уразумению их поверхностности, уклонению судей от бремени полноценного изучения об-

стоятельств, входящих в предмет обжалования, и доводов, приводимых заявителями в обоснование своих позиций. Из содержания многих подобных судебных актов явно угадывается намерение их авторов как можно быстрее избавиться от дополнительной нагрузки и скорее «закрыть» производство по очередной жалобе. Причем на сегодняшний день для этого имеется превосходный повод – необходимость следования все тем же разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, фактически сужающим пределы судебного обжалования действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры. В этой связи даже создается впечатление, что судьи районных (приравненных) судов давно ждали подобных разъяснений. По крайней мере, к этой гипотезе подталкивает резкое увеличение «отказанных» решений именно после 2016 г., то есть со времени дополнения рассматриваемого Постановления Пленума Верховного Суда РФ тем самым пунктом 3.1. – именно к нему в большинстве случаев и апеллируют судьи, отклоняя поступающие жалобы.

Правда, на сегодняшний день в судебной практике можно встретить и противоположные решения, предполагающие, наоборот, чрезмерно широкий подход к пониманию смысла ст. 125 УПК РФ. В качестве примера здесь уместно привести апелляционное решение Краснодарского краевого суда об отмене постановления одного из районных судов, прекратившего производство по жалобе как не соответствующей в части своего предмета разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. Было указано на неправомерность вывода о неприемлемости юридической оценки постановления о производстве выемки и действий следователя, направленных на его исполнение. Еще один пример – апелляционное постановление Ставропольского краевого суда об отмене решения об отказе в рассмотрении жалобы на действия следователя, не снявшего арест с имущества. Но все подобные судебные акты являются не более чем исключениями, лишь подтверждающими общую тенденцию, выраженную в искусственном ограничении предмета и тем самым сужении пределов обжалования действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного

следствия и прокуратуры в порядке ст. 125 УПК РФ путем далеко не всегда обоснованного апеллирования к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ.

Очевидно, что признать подобный, вне всяких сомнений, тяготеющий к злоупотреблениям и формализму подход правильным и подлежащим дальнейшему использованию в правоприменительной практике просто невозможно. Ведь, невзирая на доктринальные позиции о разграничении предмета судебного контроля, в частности обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, и предмета рассмотрения уголовного дела по существу в первой инстанции, несмотря на явные намерения законодателя и Пленума Верховного Суда РФ скорее разрешить возникающие проблемы, практическое разделение этих обстоятельств представляется весьма затруднительным, скорее даже невыполнимым. В подавляющем большинстве случаев все эти обстоятельства настолько тесно взаимообусловлены и переплетены между собой, что любые попытки их размежевания будут приводить лишь к ненадлежащей аргументированности, а иногда и к явной необоснованности выносимых судебных актов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо подчеркнуть, что затронутые в настоящей статье проблемы, в принципе, предполагают два противоположных варианта решения: а) продолжение существующих на сегодняшний день тенденций к ограничению предмета и сужению пределов обжалования действий (бездействия) и решений органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры – наряду с отмеченными недостатками это приведет к минимизации возможных злоупотреблений судебными полномочиями; б) предоставление большей свободы судейского усмотрения в части определения предмета и пределов обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, что наряду с вполне понятными достоинствами усилит разобщенность судебной практики и повысит риски злоупотреблений судебными полномочиями. Какой из указанных вариантов окажется более правильным, жизнеспособным и пригодным для национальной системы уголовной юстиции – покажет время.

Список источников

1. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика / Л.М. Володина. – Москва : Юрист, 2006. – 352 с.
2. Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства / Н.И. Газетдинов. – Москва : Юрист, 2007. – 431 с.
3. Лазарева В.А. Защита прав личности в уголовном процессе / В.А. Лазарева, В.В. Иванов, А.К. Утарбаев. – Москва : Юрайт, 2011. – 312 с.
4. Азаров В.А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России / В.А. Азаров, И.Ю. Таричко. – Омск : Омский госуниверситет, 2004. – 379 с.
5. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики / Н.Г. Муратова. – Казань : Казанский госуниверситет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – 346 с.
6. Цурлуй О.Ю. Основы судебного порядка рассмотрения жалоб в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О.Ю. Цурлуй. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 200 с.
7. Черушева А.А. Предмет судебного контроля при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и процессуальные решения следователя, дознавателя и прокурора / А.А. Черушева // Законность. – 2019. – № 8. – С. 59–62.
8. Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Миликова. – Волгоград, 2019. – 215 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Law, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 06.02.2023. The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 06.02.2023.

References

1. Volodina L.M. Problems of criminal procedure: law, theory, practice. Moscow, Yurist Publ., 2006. 352 p.
2. Gazetdinov N.I. Implementation of the principles of criminal proceedings. Moscow, Yurist Publ., 2007. 431 p.
3. Lazareva V.A., Ivanov V.V., Utarbaev A.K. Protection of the rights of the individual in criminal proceedings. Moscow, Yurajt Publ., 2011. 312 p.
4. Azarov V.A., Tarichko I.Yu. The function of judicial control in the history, theory and practice of criminal procedure in Russia. Omsk State University Publ., 2004. 379 p.
5. Muratova N.G. The system of judicial control in criminal proceedings: questions of theory, legislative regulation and practice. Kazan State University Publ., 2004. 346 p.
6. Tsurlui O.Yu. Fundamentals of the judicial procedure for considering complaints in pre-trial stages of criminal proceedings. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 200 p.
7. Cherusheva A.A. The subject of judicial control within an administration of complaints on actions (inactivity) and procedural decisions of the investigator, the inquiry officer and the prosecutor. *Zakonnost' = Legality*, 2019, no. 8, pp. 59–62. (In Russian).
8. Milikova A.V. Criminal procedural acts of the bodies of preliminary investigation. Cand. Diss. Volgograd, 2019. 215 p.